

ШКОЛЬНЫЙ МИР КАРЕЛИИ 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается система образования, сложившаяся в Карелии в 1920–1930-х гг., анализируется динамика развития школьной системы, её проблемы, виды учреждений, традиционные и инновационные образовательные программы, влияние идеологических установок на практическую деятельность учебных заведений и состав работников образовательной сферы.

Ключевые слова: Карелия, 1920–1930-е гг., история образования, первая-третья пятилетки.

S. N. Filimonchik (Petrozavodsk)

The Educational Sphere of Karelia in 1920-1930's

The article describes the system of education formed in Karelia in 1920–1930's. The dynamics of school system, its problems, types of institutions, both traditional and innovative educational programs, ideological influence on the practice of educational institutions and composition of employees of the educational sphere are analyzed.

Keywords: Karelia, 1920–1930-ies., History of education, the first-third five-year plans.

Важнейшим направлением Российской модернизации в сфере культуры явилось развитие дифференцированной системы светского образования, вследствие чего удалось обеспечить кадрами необходимой квалификации индустриальное производство, стала более мобильной социальная структура общества, сформировалась новая культурологическая парадигма, акцентирующая внимание на самореализации личности. Проводником новаций в общественной и интеллектуальной жизни в центре и регионах России выступала школа.

Перед революцией в Олонецком крае действовало 413 школ, охватывавших 13 тыс. детей. Треть детей школьного возраста вырастали вне школы. Военные действия, голод, разруха в годы Гражданской войны разрушили систему образовательных учреждений. В 1920-е гг. потребовались напряженные усилия государства, чтобы в короткие сроки ее восстановить. Во время нэпа расходы на народное образование и здравоохранение составляли около четверти всех бюджетных ассигнований и превышали управленческие и административно-судебные расходы. В 1928 г. в Карелии работало 417 школ, в которых училось 19 тыс. детей [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 41/348. Л. 97–99].

В январе 1929 г. VIII Всекарельский съезд Советов поставил задачу введения всеобща для детей 8–12 лет к 1936/37 г. Однако летом 1930 г. ЦК ВКП(б), а затем ЦИК и СНК СССР приняли постановления «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором потребовали ввести обязательное начальное обучение всех детей в возрасте 8–10 лет уже с 1930/31 г. В результате напряженной работы по введению всеобща к 1 января 1931 г. в Карелии было охвачено учебой 97 % всех детей 8–10 лет. Накануне Великой Отечественной войны в городах и рабочих поселках Карелии стало всеобщим семилетнее образование. К началу 1941 г. в Карелии работало 598 начальных, 163 неполных средних, 58 средних школ, в которых обучалось 91 322 ученика [НАРК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 2/18. Л. 9. Д. 12/128. Л. 1].

С 1926 по 1939 г. численность населения республики выросла более чем в полтора раза (с 270 тыс. до 469 тыс. человек). В 1939 г. 63,2 % населения составляли русские, 23,2% — карелы, 4,5% — украинцы, 2% — вепсы, 1,8% — финны [5, с. 24, 66]. Крупный поток переселенцев составляли бежавшие из родных деревень крестьянские семьи, не принявшие коллективизацию. Переселенческое управление КАССР поощряло добровольную промышленную миграцию в республику из российских регионов, где проживали карелы, финны, ингерманландцы.

В Карелию переехало большое число финских политэмигрантов — активных участников Финляндской революции 1918 г. Они вошли в состав республиканской элиты. В годы первой пятилетки, напряженные задания которой требовали скорейшего включения в производство высококвалифицированных рабочих, власти Карелии пригласили на работу в республику квалифицированных рабочих преимущественно финской национальности из США и Канады. Для детей эмигрантов создавались специальные школы с обучением на финском языке. В финской девятилетке Петрозаводска около половины учеников росли в семьях финских революционеров, бежавших в Советскую Россию от преследований на родине. Финская девятилетка была единственной школой в городе, где в 1920-е гг. подавляющее большинство детей были пионерами и комсомольцами.

В 1930-е гг. широко применялись насильственные миграции на север. Колонизация края была провозглашена одной из задач Беломорско-Балтийского комбината, который осваивал трассу вдоль Беломорско-Балтийского канала. На территории ББК проживало 28 тыс. человек, которые размещались в 21 поселке [12, с. 146–147]. В 1935 г. в 18 начальных и 4 неполных средних школах ББК обучалось 5 898 детей. Среди них были представители разных национальностей: русские, украинцы, немцы, поляки, мордва, молдаване, чуваша, евреи, татары, болгары, карелы. Далеко не все они понимали русский язык, на котором велось школьное обучение [6, с. 125–126].

Школа собрала детей часто не только оторванных от своих корней, но имевших слабое здоровье и выросших в бедности. В 1920-е гг. в школу пришли дети, испытавшие тяготы прифронтовой обстановки, длительный голод во время Гражданской войны. Seriously сказывалось на учебе слабое здоровье детей. В характеристиках класса учителя нередко отмечали, что здоровыми можно признать в лучшем случае 10–15% учеников. Особенно широко была распространена анемия. В 1926 г. во 2-й школе Петрозаводска в ходе медицинского осмотра у 59% учеников было обнаружено малокровие [НАРК. Ф. 581. Оп. 1. Д. 4/10. Л. 154]. Высоок был уровень заболеваемости туберкулезом. Довольно часто в характеристиках поведения детей встречаются такие определения как «крайне нервный», «неуравновешенный», «совершенно не владеет собой». Дети плохо посещали школу. Пропуски занятий были связаны не только с высокой заболеваемостью, зимой — с отсутствием одежды и обуви, но, прежде всего, с традиционно массовым отвлечением детей для домашних работ. В 1926/27 г. только 14% мальчиков и 11% девочек, поступивших в начальную школу, оканчивали ее.

В начале форсированной индустриализации упал уровень жизни людей: в условиях мирного времени снабжение городских жителей осуществлялось по карточкам, а сельчане могли рассчитывать в основном на себя. Большинство учеников были из бедных семей, жили в тесных, перенаселенных квартирах, скудно питались, плохо одевались. В годы первой пятилетки повсеместно в школах стали организовывать горячие завтраки. В условиях повсеместной нищеты это помогло привлечь в школу детей, сберечь их здоровье, хотя качество школьного питания было неважным.

В 1920-е гг. существенно реформировалось содержание школьного образования. Развал старой государственности, ослабление прежде строгого надзора над внутренней жизнью учебных заведений в определенной мере активизировали попытки провести в жизнь назревшие еще в конце XIX – начале XX в. преобразования. Новый импульс получили идеи, высказывавшиеся в дискуссиях о приоритетах образования передовыми педагогами дореволюционной школы: важно помочь подростку не только овладеть основами знаний, но и сформировать социальные умения, интегрироваться в окружающий мир. В 1915–1916 гг. под руководством министра народного просвещения П. Н. Игнатьева был подготовлен проект реформы, предусматривавший широкую демократизацию и повышение качества образования в целях всестороннего развития личности учащихся и подъема производительных сил страны. Резкие нападки со стороны правых вынудили П. Н. Игнатьева уйти в отставку за два месяца до Февральской революции [10, с. 166]. Однако многие идеи, высказанные в период подготовки проекта реформы П. Н. Игнатьева, были использованы в советское время.

В послереволюционные годы обязательных учебных программ не существовало, и многие работники Наркомпроса вообще отрицали их необходимость. Тем не менее, на местах развернулась работа над программным и методическим обеспечением учебной деятельности. В 1921 г. в Карелии был создан научно-методический совет, в который вошли руководители КОНО и опытные учителя Петрозаводска. В 1922–1924 гг. разработанные ими учебные программы были введены в качестве обязательных во всех школах Карелии [2, с. 141]. С 1924/25 учебного года стали вводиться общероссийские программы, разработанные под руководством Государственного ученого совета (ГУСа). Сначала по ним в каждом уезде работали 1–2 городские школы, а остальные продолжали работу по карельским программам. В 1925/26 г. единые общероссийские программы были введены во всех городских школах. Обобщив первый опыт, в 1926 г. ввели сокращенные и упрощенные программы для сельской школы.

Программы ГУСа для начальной школы строились на комплексной системе обучения. На уроках дети получали информацию из разных областей научных знаний, связанную общей темой: «Времена года», «Дикие и домашние животные», «Охрана здоровья», «СССР», «Наш край», «Октябрьская революция» и др. Оценки и систематические домашние задания были отменены. С помощью комплексной системы рассчитывали раскрыть детям многообразные связи, существующие между явлениями реальной жизни, преодолеть авторитарность в преподавании, развить активность и инициативу учащихся в процессе овладения знаниями. В то же время комплексная система подверглась критике ряда учителей, считавших, что её применение ведет к снижению уровня овладения учебными навыками. Против программ ГУСа высказалась немалая часть родителей: «Новая школа плохо учит грамоте». Действительно, уровень усвоения учебной программы был низким: в 1924–1928 гг. на второй год оставалось 15–21% учеников [1, с. 203–204]. В этих условиях в 1926 г. разработаны программы по русскому языку и математике для всех 4-х групп. В 1927/28 г. были введены программы в новой редакции, предполагавшие сочетание комплексного и предметного обучения.

В школах второй ступени сохранялось предметное преподавание. В 1920-е гг. учебный план отдавал приоритет естественным наукам: на них отводилось 43% всего учебного времени. обстоятельное изучение явлений природы, по мысли разработчиков программы, создавало благоприятную обстановку для борьбы с религиозными суевериями. Примерно четверть учебного времени отводилась на изучение математических наук. В программах подчеркивалось, что математические сведения, полученные в школе, должны применяться в практической деятельности детей. Поэтому в изучении математики акцент делался на составление смет, графиков и диаграмм, сбор статистического материала, измерение площадей и т. п.

В школах второй ступени также внедряли новые методы, стремясь укреплять активность самих школьников в процессе познавательной деятельности. Особенно пропагандировался Дальтон план, с его помощью предполагалось учить ребят самостоятельно находить выходы из сложных положений. К активизации форм групповой работы вынуждала отчасти и бедность школы, нехватка учебников и пособий. Слишком мало было учеников, которые «в тиши домашнего кабинета с пособием на одного себя могут готовиться».

В 1926 г. по требованию Наркомпроса на работу по Дальтон-плану перешла русская девятилетка в Петрозаводске. Знакомиться с принципами новой системы учителя ездили в Ленинград. Ни копейки денег для перестройки системы обучения школа не получила, поэтому педагогический коллектив решил действовать осторожно, сохранив расписание, группы/классы. Осенью закупили на собранные родителями деньги литературу, а с января 1927 г. 8 и 9 классы перешли на работу по Дальтон-плану. Фактически эта работа состояла в том, что учитель заключал договор с группой учащихся о проработке нескольких учебных тем. Предположим, по теме «Творчество Некрасова» ученики должны были прочесть несколько указанных учителем произведений поэта, статьи литературных критиков, ответить на предложенные учителем вопросы. Одни ученик вслух читал текст, товарищи слушали и обсуждали, при этом класс напоминал жужжащий улей.

Учитель же выглядел простым регулировщиком, учетчиком выполненной работы. Нелучайно некоторые родители на собраниях прямо заявляли, что «учителя и завели новую систему, чтобы не делать самим ничего, а предоставить все ученику». На самом деле от учителя при новых формах ведения урока требовалось большое методическое мастерство, доскональное знание индивидуальных особенностей учащихся. Об этом говорили на педагогических совещаниях сами учителя. Так, в выступлении А. П. Тихомирова отмечалось: «Преподавание по Дальтон-плану требует большого умения и перевоспитания педагогов». Его коллега Д. В. Сидоров подчеркивал: «Не всякая тема доступна для самостоятельной проработки. Самое трудное — выработать задания, для этого нужно положить очень много труда и подготовки». Многие преподаватели не были готовы к этому. Поскольку темп работы и активность учащихся были разными, вскоре появились болтающиеся по школе без дела ученики. Некоторые желали сбросить задание за счет активного члена группы.

Как правило, в защиту Дальтон-плана на педагогических конференциях выступали преподаватели тех школ, где эксперимент не проводился. Дальтон-план насаждался сверху, и, подчиняясь требованиям служебной дисциплины, петрозаводские чиновники настаивали: «Всякий передовой учитель должен быть сторонником Дальтон-плана». Учителя, опробовавшие эту систему, стояли на своем. Преподаватель физики Б. В. Дианов так обобщил результаты эксперимента: Тему для изучения я дал интересную — тепловой обмен, группы были небольшие, приборов хватало. Когда предложил задачи по изученному материалу, то из 40 учащихся решили только 8. Пришлось оставить Дальтон-план и заняться с учащимися по-настоящему. В третьем семестре отказался от Дальтон-плана и ученики сказали: «Слава Богу!»

Более успешно в активизации познавательной деятельности учащихся использовалось краеведение, в организации которого в школах республики был накоплен богатый опыт. Школьники Пудожа составили картосхему почв местности, провели анкетное обследование местных ремесел и составили диаграмму их доходности [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 40/340. Л. 152]. В 1928 г. ученики Пудожской опорной школы под руководством агронома провели обследование нескольких крестьянских хозяйств с различными технологиями и уровнем товарности. В Сорокской опорной школе дети составили план города, собрали коллекцию «Камень и что из него получают в природе». Учащиеся изготавливали модели сельскохозяйственных орудий, представляли письменные работы «Как улучшить породу нашего скота. Чем у нас кормят коров и как бы их надо кормить». Дети знакомились с работой кооперативов, местных промышленных предприятий. Собранный в Пудоже и Сороке краеведческий материал стал основой школьных музеев [НАРК. Д. 48/439. Т. 1. Л. 379].

Наиболее активно дети участвовали в фольклорных и этнографических обследованиях. Под руководством учителей они записывали частушки, пословицы, загадки, заговоры, предания. На втором месте стояло изучение природных явлений: сбор коллекций растений, минералов, образцов почв, изучение температурного режима, погодных условий. Наиболее активных подростков члены Общества изучения Карелии привлекали к записи воспоминаний о революционном движении в крае.

В школах систематически проводились экскурсии на природу, на промышленные предприятия. По их итогам школьники рисовали, делали гербарии, чертили схемы и диаграммы, писали сочинения, заполняли дневники погоды. Ребенок выходил из своего привычного окружения, наблюдал предметы изучения в их естественной обстановке, а не в искусственном воспроизведении. Смысл экскурсионного метода состоял в активном познании мира. В организации экскурсий было и немало трудностей. Не всегда можно было согласовать приход детей с производственным ритмом предприятия, многие мастерские были маленькими и не могли вместить класс. А в зимние морозы дети часто отказывались от экскурсий из-за плохой одежды и обуви.

Заметное место в учебном плане отводилось обществоведению. Нагрузка преподавателей этого предмета составляла 12 часов в неделю, т. е. на треть меньше, чем у других

учителей. Помимо обществоведения уже с начальной школы преподавалась политграмота, велся политчас. Поскольку учителей-приверженцев марксистской идеологии в школах было немного, преподавание этих предметов в старших группах возложили на членов уездных комитетов партии [НАРК. Ф. 298. Оп. 1. Д. 44/571. Л. 62]. Те часто не принимали во внимание возрастных и психологических особенностей своих слушателей, поэтому дети часто усваивали материал поверхностно, лишь на уровне злободневных лозунгов. Качество преподавания общественно-политических дисциплин нередко было сомнительным. Так, при подведении результатов проверки знаний учащихся республики по обществоведению в 1927 г. были зафиксировано немало ответов типа «Революцией в России управлял Карл Маркс», «В СССР входят Польша, Латвия, Литва». Были школы, где ученики 3-й группы не знали, кто такой Ленин [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 48/397. Т. 1. Л. 60–61].

В 1930-х гг. произошли важные изменения в советской идеологии. На смену теории «мировой революции» приходит концепция «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Новая элита, идейно, а затем и физически расправившись с политическими оппонентами, стремится к дальнейшему укреплению своего положения на властном Олимпе. Возросшая опасность войны после прихода к власти в Германии нацистов ставит задачу всесторонней подготовки населения к защите социалистической родины. Гражданско-государственная составляющая превалирует над национальными, повседневными и частными элементами действительности. В этих условиях возрастает значение патриотического и государственно-охранительного воспитания юношества. Традиционно школа решала поставленные государством идеологические задачи, прежде всего, через преподавание гуманитарных дисциплин.

В 1934 г. все школьники Карелии, начиная с 3 класса, вновь стали изучать историю. Новый предмет вызвал большой интерес у детей. В условиях нехватки учебных пособий учителя взяли на себя (точнее сказать, взвалили) очень трудоемкую работу — самостоятельно изготавливали раздаточные материалы, карты, таблицы, схемы, плакаты, альбомы. Пока не появились учебники, большую поддержку при подготовке к урокам оказывала Большая советская энциклопедия, выходящая с 1926 г. большим тиражом — 50–80 тыс. экземпляров. Помимо ёмких статей она содержала красочные иллюстрации, многочисленные карты. В старших классах учителя выходили из положения через лекционную систему: учащиеся под диктовку записывали материал и учили его потом по тетради. В конце 1930-х гг. в выпускных классах преподаватели руководствовались в основном «Кратким курсом истории ВКП(б)» и преподавали по существу не гражданскую историю, а партийную.

После короткого нигилистического периода было восстановлено преподавание в школах литературы. В 1930-е гг. закрепились следующие системы литературного образования: в 5–7 классах — литературное чтение, в 8–10 классах — история литературы. Разработанная в 1933 г. программа по литературе исходила из необходимости преодоления вульгарного социологизма. Старшеклассники 1930-х гг. знакомились, прежде всего, с произведениями русской и зарубежной классики. На уроках литературного чтения основной акцент ставился на воспитательное значение литературы. Дети читали повесть об Евпатии Коловрате, эпизоды из «Тараса Бульбы» и «Полтавы», знакомились с образами советских героев Павки Корчагина, Метелицы и др. Вместе с тем, структура историко-литературного курса в старших классах была подчинена ленинской периодизации русского освободительного движения. В объяснительной записке к программе 8-10 классов подчеркивалось, что главной задачей курса истории литературы является воспитание большевистского мировоззрения [НАРК. Д. 96/799. Л. 145].

В 1920-е годы власти Карелии считали, что «возрождение карельской грамоты является ненужным и невыполнимым делом» [4, с. 224]. При этом акцентировалось внимание на диалектной раздробленности карельского языка, его исторической и языковой близости финскому языку, отсутствию научных трудов по карельскому языку. В 1928 г. уже более половины школ (53%) в карельских местностях вели обучение на финском языке. Во всех остальных школах было введено обязательное преподавание финского языка в старших классах [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/97. Л. 53. Д. 348. Л. 97].

В 1929 г. руководство республики официально утвердило финский язык в качестве единственного письменного и литературного языка карельского населения. В 1932 г. уже 99,6% школьников карельской национальности обучались на финском языке [3, с. 42]. Поголовный перевод школьного обучения на финский язык встретил настороженное отношение со стороны населения, но в условиях массовой коллективизации, раскулачивания, люди не решались на организованный протест против финнизации школьного дела. Как правило, крестьяне жаловались на то, что из-за плохого уровня преподавания дети слабо усваивают язык: «Ребята в школу ходят долго, а толку от этого мало» [13, с. 118]. Упала успеваемость учеников. В первой группе школ 1-й ступени финские слова, отличающиеся от карельских, усваивались плохо. Ребята, освоив технику чтения, не понимали прочитанного. Во время проверок были случаи, когда лишь 4 из 40 учащихся могли передать смысл финского текста, с которым только что познакомились.

В то же время длительный опыт активного изучения финского языка не прошел даром. В тех случаях, когда дети изучали финский язык в течение 4–5 лет под руководством квалифицированного педагога, они довольно свободно овладевали языком [НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 158. Л. 39–40]. Наиболее устойчивый и массовый характер приобщение к финской грамоте имело место в северной Карелии. По данным переписи 1933 г., в Ухтинском районе 80% грамотного населения владело финским языком, а 17% — русским и финским одновременно. В Кестеньгском районе эти показатели составляли соответственно 81 и 16%. Иной была ситуация в южной Карелии: 59,7% карелов Олонецкого района знали русскую грамоту, 22,7% — русскую и финскую одновременно, 17,5% карелов владели только финской грамотой [14, с. 36–37].

В 1935 г. в республике восстановили добровольность выбора языка обучения для карелов. Школы Южной Карелии стали возвращаться к преподаванию на русском языке. В первое время успеваемость по русскому языку в олонецких школах составляла 30–60%. Часть преподавателей недостаточно хорошо владела русской речью. Это сказывалось на уровне знаний детей. В 1937 г. на второй год в начальных школах Олонецкого района осталось 17%, в неполных средних — 22%, в средних — 20% учеников [НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 432. Л. 40–42].

В сложной ситуации оказалась молодежь северной Карелии, где школьное образование длительное время велось исключительно на финском языке. В 1937 г. в Ухтинской средней школе весь 7 класс из-за незнания русского языка был оставлен на второй год. По этой же причине лишь 2 выпускника 10 класса этой школы смогли поступить в Педагогический институт [НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 95/880. Л. 171]. Успеваемость по русскому языку в первой четверти 1938/39 гг. в Калевальском районе составила 28%, в Кестеньгском — 46%.

Во второй половине 1930-х годов в республике развернулись массовые репрессии против финнов. Список «преступлений», в которых голословно обвинялись финны-эмигранты, был составлен в духе того времени: подготовка вооруженных восстаний, вредительство, шпионаж, диверсии, контрреволюционная агитация. Однако на первое место среди обвинений НКВД поставил финнизацию Карелии «путем принудительного введения финского языка в школах», препятствия введению карельского литературного языка, подмену развития карельской культуры «финской буржуазной культурой» [17, с. 46]. Во второй половине 1930-х годов, финский язык фактически оказался в школах под запретом.

Ситуация изменилась после советско-финляндской войны. 31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании КАССР в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику [8, с. 170–171]. В новых условиях было пересмотрено отношение к финскому языку. В школах республики возобновилось его изучение. В 1940/41 учебном году в 206 школах Карелии преподавание велось на финском языке. В финно-язычных школах обучались 15314 детей [9, с. 224–225]. Безусловно, главную роль в столь стремительном повороте языковой политики в конце 1930-х гг. сыграли внешнеполитические цели советского руководства. Однако, на наш взгляд, поворот в любом случае был неизбежен. Выброшенной за борт культурного, образовательного пространства оказалась немалая часть

молодежи Карелии, получившая школьное образование на финском языке. Эта молодежь неизменно встала бы в оппозицию режиму, закрывшему перед ней пути к дальнейшему образованию, профессиональной карьере. А именно на молодежь опирался сталинский режим в 1930-е годы.

В то время, когда финский язык оказался под запретом, началась кампания по разработке карельской письменности и созданию карельского литературного языка. Возглавил эту работу ведущий специалист в российском финно-угроведении Д. В. Бубрих. 21 сентября 1937 г. принято постановление СНК КАССР «О переводе карельских и вепсских школ на родной язык обучения» [НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 94/870. Л. 158]. К этому времени все первые классы школ Ведлозерского, Олонецкого, Петровского, Пряжинского, Ружозерского, Тунгудского и Сегозерского районов были обеспечены учителями, знающими карельский язык. К 1 января 1938 г. на карельский язык было переведено преподавание в 178 начальных школах Карелии. К этому времени был выпущен букварь, учебник арифметики и книга для чтения на карельском языке [НАРК. Д. 95/880. Л. 171]. На практике довольно скоро обнаружилось несовершенство грамматики, отсутствие единой терминологии, нехватка специалистов и другие совершенно естественные в столь трудном деле проблемы. Их решение требовало многолетней вдумчивой работы интеллигенции, финансовой и материальной поддержки государства. Однако работа по созданию карельской письменности была прекращена в 1940 г. по политическим мотивам.

Такие резкие изменения в содержательной части образовательного процесса дестабилизировали жизнь школы, способствовали усилению авторитарных тенденций в ее развитии. В воспоминаниях декана факультета иностранных языков Карельского государственного педагогического института Мэйми Севандер, семья которой в 1934 г. переселилась в Карелию из Америки, рассказывается о том, как 13-летняя Мэйми решила перейти из финской в русскую школу, потому что «хотела стать частью этой жизни и не хотела как мама быть вечной иммигранткой». Она даже отказалась переехать с семьей в Ухту, куда был послан на работу отец, снимала «угол» в Петрозаводске, чтобы учиться в русской школе. Русский язык давался подростку трудно: в первом диктанте оказалось 168 ошибок. Учительница жестко критиковала девочку, хотя видно было, какие огромные усилия та прикладывает, чтобы выучить язык. В результате жизнь ребенка превратилась в непрерывный стресс. Вспоминая дорогу в школу, она пишет: «По утрам тащилась я туда, еле переставляя ноги, с тяжелым комом в горле». При вопросе строгой учительницы русского языка «начинала дрожать от страха, хотя добросовестно готовила уроки». Больше всего поражает при чтении мемуаров то, с каким упорством учительница убеждала подростка, что ничего у нее не получится, ей не выучить язык. Воля 13-летней девочки в данном случае оказалась несломленной, и учитель, в конце концов, признала: «Я вижу, что была неправа. Ты действительно старалась. Ну что ж, прости — я недооценила тебя». Примечательно, что у Мейми не осталось обиды на жестокость учителя: «До меня вдруг дошло, что Людмила Ивановна вовсе не демон. Она — учитель. Учитель с высокими требованиями и любовью к делу, учитель, ради которого мне хотелось так много работать и уважение которого я поклялась завоевать» [16, с. 81–90].

Большое внимание в школе уделялось коммунистическому воспитанию. Особую роль в этом играли пионерские и комсомольские организации. Торжественно отмечались праздничные дни Революционного календаря. В программу праздника включались доклады старшеклассников о революции, Ленине, социалистическом строительстве в Карелии, организовывался концерт с участием чтецов и хора. Школьный драматический кружок готовил пьесу, редколлегия выпускала стенгазету. Здание школы празднично украшалось, на торжества приглашались родители [НАРК. Ф. 581. Оп. 1. Д. 5/12. Л. 13–14]. В 1926 г. школьники Петрозаводска участвовали в сборе денег в пользу детей бастовавших английских горняков. Школы регулярно участвовали в перевыборных кампаниях Советов. На избирательных участках школьники организовывали концерты, литературные вечера. В школах проводились беседы, направленные против христианского учения, религиозных обрядов и праздников, невзирая на

то, что большинство детей росло в семьях верующих. В дни христианских праздников организовывались антирелигиозные вечера.

Один из авторитетнейших учителей Петрозаводска И. М. Зыков называл общественную работу «архимедовым рычагом, при помощи которого мы сможем перестроить школу». Однако он предостерегал, что не следует приносить в жертву общественным поручениям непосредственных целей школы. Многие общественные мероприятия навязывались детям, становились для них «нагрузкой», проходили скучно, не учитывали возрастных особенностей школьников.

Из сохранившегося в архиве дневника 11-летнего школьника г. Олонца С. Заваренского видно, что весной 1925 г. в течение месяца Сереже довелось трижды побывать на школьных собраниях. О первом из них он ничего сказать не может, кроме того, что «на этом собрании говорили доклады. Первым говорил тов. Кунжин». То, что перед учащимися начальной школы выступает секретарь уездного комитета партии, показывает, насколько большое внимание уделялось политической пропаганде среди школьников. Подробнее в дневнике описано другое собрание, ибо на нем не велись отвлеченные разговоры, а решалось конкретное дело — создавался школьный кооператив. Третье собрание было посвящено сбору денег на подписку на детские журналы [НАРК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 36/21. Л. 246].

В мемуарах профессора филологии И. П. Лупановой рассказывается о том, как в начале 1930-х гг. им, петрозаводским школьникам, навязали проверку работы «подшефных» предприятий: «Именно так, ни больше ни меньше! Нас, несмышленную малышню, отправляли на завод, в больницу, еще куда-то «проверить», как там работают взрослые дяди и тети, не прогуливают ли, выполняют ли план». В качестве примера мемуарист приводит рейд в городскую аптеку: «Приняли нас отменно, показали разные баночки-скляночки, напоили чаем. После чего мы ушли, преисполненные гордой убежденностью нашей необходимости советскому государству» [11, с. 50–53].

Практическая реализация школьных реформ возлагалась на учителей. К концу нэпа в Карелии восстановилась предреволюционная численность учительства. В 1927 г. в школах Карелии работало 680 учителей [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/98. Л. 202]. В начальных классах трудились прежде всего выходцы из крестьянства (39%), в школах повышенного типа — представители семей служащих. Вторую по численности группу составляли выходцы из семей духовенства — 26% в начальных школах, 15% — в школах повышенного типа. В 1920-е годы учительская профессия сохраняла значимость для мужчин (в начальной школе их доля равнялась 40%, в старших классах — 68% преподавателей), однако уже в то время женщины в школах первой ступени составляли большинство, в школах второй ступени — примерно треть преподавателей [НАРК. Д. 48/397. Т. 1. Л. 62–63].

В зависимости от уровня образования педагогов можно разделить на несколько групп. Больше всего в школах 1 ступени трудились выпускники епархиальных училищ, гимназий или 2–3-летних педагогических курсов. В основном это были молодые женщины 1890–1900 года рождения, начавшие преподавание накануне или в годы Первой мировой войны. Среди мужчин, работавших в начальных школах, больше всего было выпускников учительской или духовной семинарий [НАРК. Д. 31/259. Л. 72, 81]. В 1925 г. в школах работали еще 42 учителя, имевших только начальное образование. В школах второй ступени большинство педагогов составляли лица со средним образованием [НАРК. Д. 2/11. Л. 3.6]. В педагогическую элиту входили выпускники университетов — А. П. Тихомиров, А. Н. Кокушин, А. И. Зотиков, В. С. Туманов, М. П. Орлов, Д. В. Сидоров, В. В. Красиков и др.

В начальной школе преподавала в основном молодежь: 41% учителей имели стаж менее 5 лет, стаж всего трети учителей превышал 10 лет. Сказались последствия войн и разрухи: далеко не все лица зрелого и пожилого возраста смогли сберечь здоровье и сохранить трудоспособность. Часть начальных школ была попросту закрыта. В действовавших учебных заведениях подолгу не выдавали продовольственных пайков, не выплачивали жалованья, и бедствовавшие учителя вынуждены были искать другие средства к существованию. Часть

учительства оставила школу, потому что не смогла приспособиться к новым требованиям. В начальных школах быстрыми темпами происходила смена поколений работников. В школах второй ступени соотношение между различными группами по стажу было более благоприятным: 45% учителей имели стаж от 5 до 15 лет, около четверти учителей стаж более 15 лет. Однако и в этих школах около трети преподавателей составляли начинающие учителя, имевшие стаж до 5 лет.

«Главным тормозом» работы школы в начале 1920-х гг. называли полную необеспеченность учителей. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, проходивший в феврале 1921 г., признал: «Учащие находятся в невозможных условиях: они раздеты, голодны» [4, с. 193]. Заработок работников бюджетных организаций определялся 17-разрядной тарифной сеткой. Осенью 1923 г. учитель 12 разряда получал 29 руб. 75 коп. Такая сумма обеспечивала потребности одного человека, а имеющим семью педагогам приходилось искать побочные заработки [НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 17/189. Л. 3].

В 1926 г. зарплата учителей в Карелии выросла и стала более дифференцированной в зависимости от практического стажа работы и наличия профессионального образования. Зарплата учителей начальной школы, имевших педагогическое образование, приблизилась к среднемесячной заработной плате промышленных рабочих в Карелии (68,6 руб.). Небольшой слой наиболее опытных, имеющих высшее образование учителей школ второй ступени по уровню доходов приближался к служащим промышленных предприятий (116, 8 руб.) [7, с. 75].

В 1929–1934 гг. уровень жизни интеллигенции вновь упал. В воспоминаниях Т. А. Сагайдак описано, как ей, 20-летней учительнице удавалось помогать своей семье, оставшейся в колхозе: «Годы (1932–34) были голодные. Хлеб в магазинах был коммерческий, по три рубля за буханку. Мама приезжала к моей получке. Я покупала для семьи родителей 10–12 буханок хлеба, а сама оставалась с тремя — четырьмя рублями до получки. В те годы школьники получали бесплатные завтраки — кусок черного хлеба, порцию какой-либо каши. Я раздавала так, чтобы себе на ужин немного осталось. Приходила домой после уроков довольная, что есть что-то вечером поесть, да и на утро хлеба кусочек к чаю останется. Бабушка-хозяйка иногда угощала отварной ряпушкой или сельдью. Бедно жилось» [15, с. 129–130]. Сельская интеллигенция и служащие вообще не получали никаких продуктов кроме муки. Сельские учителя жаловались в местные органы власти на «совершенно невозможные условия жизни» [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 53/431. Л. 166]. Несколько повысился уровень жизни учителей во второй половине 1930-х гг. В апреле 1936 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б), предусматривающее в среднем двукратное повышение заработной платы учителям и другим школьным работникам в зависимости от квалификации и стажа работы.

В условиях острой нехватки образованных управленцев власть стремилась превратить учителей в пропагандистов партийной и государственной политики. В характеристиках преподавателей, которые готовили заведующие школ для руководства с грифом «секретно», обязательно фиксировалось: «В отношении к Советской власти благонадежен» [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 40/337. Л. 143–145. Д. 86/708. Л. 17–20]. Среди учителей Карелии коммунистов было немного: в середине 1920-х гг. — около 8%, в середине 1930-х гг. — 13% [НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 40/337. Л. 143–145. Д. 86/708. Л. 17–20]. При этом 85% учителей были вовлечены в общественную работу, многие имели по 2–3 поручения. Учителя обязаны были участвовать в избирательных кампаниях, являлись ликвидаторами неграмотности, руководителями кооперативов, активно трудились в кресткомах, избах-читальнях. Вся эта работа выполнялась за счёт личного времени и безвозмездно.

В разгар «ежовщины» образовательные учреждения обязаны были участвовать в кампаниях поддержки действий власти. Во всех школах проходили комсомольские собрания, на которых осиротевших ребят могли заставить отказываться от родителей. Однако в целом ряде случаев такие мероприятия проходили формально. Нередко вместо «отречений» дети арестованных говорили о том, что они не верят в виновность родителей, и этим дело ограничивалось [11, с. 83].

В 1920-е годы основной формой профессиональной подготовки учителей для республики стали финский и русский педагогические техникумы. Если в 1928–1932 гг. педагогические техникумы подготовили 335 педагогов, то в 1933–1938 гг. на преподавательскую работу в школы республики было направлено 653 выпускника средних специальных учебных заведений.

Быстрое введение всеобуча в начале 1930-х гг. потребовало ускоренной подготовки учительских кадров. Пришлось прибегать к чрезвычайным мерам: в 1930 г. Наркомпрос республики отправил на работу в начальные школы всех студентов местных педтехникумов (кроме первокурсников), всех учеников 9 класса финской девятилетки в Петрозаводске. На педагогическую работу в Карелию отправлялись по мобилизации комсомольцы из Ленинграда.

Большое значение имело создание в 1931 г. первого вуза в истории Карелии — Карельского государственного педагогического института. К началу 1934/35 учебного года институт имел четыре факультета: физико-математический, биологический, историко-филологический и рабфак. Вскоре выяснилось, что и с помощью пединститута не удалось полностью удовлетворить потребности школ Карелии в учительских кадрах. Поэтому в 1934 г. открылся учительский институт, который готовил преподавателей для семилетних школ.

10 июля 1940 г. СНК СССР принял постановление «Об открытии Карело-Финского государственного университета», который создавался на базе педагогического института. В 1940 г. на первый курс зачислено 417 юношей и девушек, как правило, имевших стаж практической и общественной работы. Рождение университета существенно повлияло на дальнейшую судьбу Петрозаводска, ставшего со временем одним из крупнейших учебных и научных центров на Северо-Западе России.

Одним из ведущих каналов подготовки школьных учителей в 1930-е гг. оставалась курсовая подготовка. За 1930–1933 гг. в школы республики было направлено не менее 800, в 1938 г. — более 700 человек, получивших подготовку лишь на краткосрочных курсах. Это позволило быстро нарастить численность учителей. Согласно данным переписи 1939 г., в Карелии работало 3282 учителя. Однако курсовая подготовка означала явно низкий образовательный уровень педагогических кадров. В 1930-е гг. около половины учителей начальных классов не имели среднего образования. Подавляющее большинство преподавателей неполных средних и средних школ (до 90%) не имели высшего образования. Значительное число учителей не получили законченного педагогического образования (в семилетках — около 80%).

Недостаточный уровень профессионализма учителей при жестком идеологическом контроле порождал начетничество и формализм. На экзаменах по истории и литературе ученики предпочитали точно следовать учебнику. Так, в Кемской средней школе в 1938 г. все ученики 10 класса за исключением одного написали сочинение на тему «Тип большевика по повести А. Фадеева «Разгром». Все сочинения строились по одному и тому же плану, и содержание сочинений передавало лишь то, о чем писалось в учебнике.

То, что недостаток профессионализма учителей тяжело сказывался на уровне подготовки выпускников школ, осознавали и власти. В 1936–1937 гг. в школах Карелии прошла аттестация учителей. От аттестации освобождались лишь те, кто недавно окончили педвузы и педтехникумы. По итогам аттестации в КАССР из 1987 преподавателей звание учителя получили всего 26%. Половина учителей была допущена к педагогической работе временно при условии, что в течение двух лет они получают педагогическое образование. В ходе проверки около 8% преподавателей были освобождены от педагогической деятельности вследствие непригодности. Ниже всего уровень профессиональной подготовки был у учителей 5–7 классов, поскольку именно в среднее звено направлялось больше всего учителей «краткосрочников». По результатам аттестации была поставлена задача — в короткий срок организовать в Карелии обучение и переподготовку учительских кадров. Для решения этой задачи в сентябре 1938 г. на базе Педагогического института создан Институт повышения квалификации учителей [НАРК. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 1/1в. Л. 16].

Власти стремились поднять престиж учительского труда. В 1930-е гг. началось проведение республиканских конкурсов лучших педагогов, созывались Всекарельские слеты учителя-

лей-ударников. Были введены меры материального поощрения лучших учителей: денежные премии, предоставление бесплатных путевок в дома отдыха. В 1937 г. 5 учителей Карелии были избраны депутатами Верховного Совета КАССР. В июле 1940 г. беспартийный учитель А. Г. Бонч-Осмоловская стала заместителем Председателя Президиума Верховного совета республики. В мае 1939 г. за выдающиеся успехи в обучении и воспитании детей Советское правительство наградило орденами и медалями 19 педагогов Карелии. От профессионального уровня школьных учителей зависела готовность нового поколения к жизни в индустриальном обществе, которое с огромным трудом создавалось в 1930-е годы. Через систему образования передавались национальные традиции, воспитывались патриотизма и гражданственность, что было особенно важно в преддверии надвигавшейся войны.

Литература

1. VIII Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1929.
2. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983.
3. Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994.
4. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. I Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.
6. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1992.
7. Ежегодник. Вып. IV. 1929. Петрозаводск, 1931.
8. История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1992.
9. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999.
10. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. М., 1956.
11. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Петрозаводск, 2007.
12. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994.
13. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940. Петрозаводск, 1997.
14. Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1934.
15. Сагайдак Т. А. Записки учительницы // Дюжев И. Письма с Карельского фронта 1941–1942. Петрозаводск, 2005.
16. Севандер М., Хертцель Л. Они забрали у меня отца. Американские финны в сталинской России. Петрозаводск, 2010.
17. Чухин И. И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.